

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 001: 165.9

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-4-614-622

Утилитаризм vs бескорыстие: коллизии эпистемологического дискурса под патронажем кесаря-политарха

Васечко В.Ю.

Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии Наук,
Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Аннотация. Рассмотрены отличительные признаки социокультурной и эпистемологической ситуации, в которой находится субъект, профессионально занимающийся естественными науками и математикой в политарном обществе. Один из элементов этой ситуации – напряженные, конфликтные взаимоотношения между учеными и административно-бюрократическим аппаратом, находящимся в подчинении у реального главы государства, обозначенного как кесарь-политарх. Если задача ученых – приобретение все более точного и адекватного знания о строении и развитии материального мира и методах достижения такого знания, то машина административной власти, обычно реализующая установку своего лидера, во главу угла ставит максимальный контроль над процессом и результатами всякого серьезного теоретического и эмпирического исследования. Для правителя главной жизненной целью всегда остается сохранение и усиление собственной самодержавной власти, и потому все и вся он расценивает под углом зрения того, насколько данная вещь служит этой цели. Весь свой утилитаризм, прагматизм, субъективизм политарх экстраполирует на идеальную сферу. Напротив, максима бескорыстия, становясь этической нормой эпистемологического дискурса, объединяет искателей истины в особую корпорацию типа Республики ученых или Невидимого колледжа.

Ключевые слова: эпистемологический дискурс, политарное общество, политарх, кесарь, бюрократия, утилитаризм, бескорыстие.

Для цитирования: Васечко В.Ю. 2020. Утилитаризм vs бескорыстие: коллизии эпистемологического дискурса под патронажем кесаря-политарха. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 45 (4): 614–622. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-4-614-622

Utilitarianism vs unselfishness: collisions of epistemological discourse under caesar-politarch's patronage

Vyacheslav Y. Vasechko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16 Sophia Kovalevskaya St, Ekaterinburg, 620990, Russia
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Abstract. The subject of this article is the specificity of socio-cultural situation in which the individual professionally engaging in natural sciences and mathematics does act in politary society (ancient Egypt, ancient India and China, medieval Arab-Muslim world, etc.). One element of this situation is difficult,

often tense and even conflictual relationship between scientists and administrative bureaucracy, reporting from the real head of State, designated as the Caesar-politarch. The task of scientists is the acquisition of increasingly accurate and adequate knowledge of the structure and development of the material world and also methods of achievement such knowledge. In contrast, administrative machine usually implements installation of its leader at the forefront of putting maximum control over the process and the results of any serious theoretical and empirical research. For better understanding of this conflict, the author uses the contrasting juxtaposition. As relevant concepts are elected: 1) «utilitarianism», that is a leading, defining politarch's query and characteristics of any variety of polity management; 2) «unselfishness», that is an attribute of free scientific search oriented to the cognition of the universe the way it is. The main purpose of life for the ruler is always maintaining and reinforcing its autocratic power, so he estimates everything from the perspective of how this thing serves this purpose. The Caesar-politarch extrapolates all his utilitarianism, pragmatism, subjectivity on a cognitive, epistemological sphere. He appreciates only the information which is useful for the consolidation of his available power, but knowledge, which is not conducive to any, is perceived by him as indifferent, or hostile. On the contrary, the maxim of unselfishness, becoming an ethical norm in epistemological discourse, brings together seekers of truth in a special type of Corporation of the Republic of scientists or the Invisible College. Disinterestedly contemplation, not requiring special, additional benefits (wealth, prestige or authority) turns out to be a condition for the acquisition of really new fundamental knowledge and further progress in the sciences on the structure and functioning of the universe.

Keywords: epistemological discourse, polity society, politarch, Caesar, bureaucracy, utilitarianism, unselfishness.

For citation: Vasechko V.Y. 2020. Utilitarianism vs unselfishness: collisions of epistemological discourse under caesar-politarch's patronage. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (4): 614–622 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-4-614-622

Кесарь принадлежит к объективированному миру, он подчинен необходимости. Дух же принадлежит к царству свободы ... Дух бесконечен и устремлен к бесконечности. Кесарь же конечен и хочет наложить на дух печать своей конечности.

*Н.А. Бердяев.
Царство Духа и царство Кесаря*

Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного.

Чжуан-цзы

Ученый, поставивший себе целью постичь тайны устройства и эволюции Природы и Космоса, всегда находится в конкретных социально-политических, культурных и материально-технических параметрах. Для решения задач эпистемологического характера ему требуются не только досуг и более или менее сносные условия существования, но и современное, причем часто достаточно дорогое специальное оснащение. Успешный и эффективный научный дискурс оказывается возможным лишь на прочном эмпирическом фундаменте, предполагающем многократное повторение и регулярную проверку ранее проведенных наблюдений, измерений и экспериментов. Разумеется, чем чувствительнее, совершеннее и эксклюзивнее требуемая исследователю аппаратура, тем она, естественно, дороже, а значит, будучи частным лицом, он вряд ли сможет позволить себе ее изготовление и приобретение. Поэтому в политарном обществе, рассмотрением которого мы далее

ограничиваемся¹, обращение за помощью к самому мощному и богатому ресурсу, каким выступает здесь самодержавное государство, оказывается для ученого шагом естественным и логичным. А такое обращение, в свою очередь, невозможно без вступления в тесный личный контакт с возглавляющим и олицетворяющим это государство правящим сувереном – *политархом*, по Ю.И. Семенову, или *кесарем*, если воспользоваться выражением Н.А. Бердяева.

Двор политарха всегда заинтересован в специалистах высшей квалификации и готов создать для них режим наибольшего благоприятствования. Почти при каждом правителе складывается своеобразная академия – сообщество интеллектуалов, которые ценятся не за их происхождение, не за военные или управленческие таланты, а именно за теоретические знания и практические способности, представляющие собой штучный товар. Как повествуют древнекитайские источники, при дворах императоров и иных правителей достаточно высокого ранга имелся постоянный штат людей, которые выступали в роли алхимиков, магов и астрологов и становились таким образом носителями протонаучного, а со временем и собственно научного знания [Фигуровский, 1955, с. 120]. Так, в эпоху Чжэньго (403–221 гг. до н. э.) «правительство использует и направляет деятельность геомантиков, прорицателей, астрологов, географов, математиков и врачей. Записи их первых наблюдений вырезаются на кости» [Юан, Ван, 1963, с. 173]. Позднее, при династии Тан, император Сюань-цзун, правивший в 712–756 гг., создает академию Ханьлинь, где работают крупнейшие ученые страны и которая просуществовала с перерывами до 1911 г. Аналогичную картину мы видим и на средневековом мусульманском Востоке, по крайней мере, в эпоху так называемого исламского Ренессанса IX–XV веков [Старр, 2017]

Немаловажно и то, что для поддержания эпистемологического дискурса в сравнительно жизнеспособном состоянии требуется наличие больших и постоянно пополняющихся библиотек, а это в условиях политаризма может позволить себе в полном объеме лишь государство. Поэтому неслучайно мы именно в восточных столицах и именно при царских дворцах обнаруживаем специальные и основательно организованные книгохранилища, содержащие десятки и сотни тысяч манускриптов (Эдфу, Ниневия, Александрия, Марага, Мерв, Бухара, Самарканд) [Рожанская, 2009; Старр, 2017]. Не всегда, конечно, доступ в эти места был открыт широкой публике, но для тех, кто занимал при дворе достаточно высокое положение, не было препятствий для работы с хранившимися там текстами.

Особенно многообещающими для науки становились периоды, когда на престоле оказывался сравнительно просвещенный человек, симпатизирующий ученым и, хотя бы в общих чертах, понимавший, чем они заняты. Однако попытки совмещать два разнородных дискурса – сугубо когнитивный и политико-административный – чаще оказываются неудачными и приводят к драматическим последствиям. Улугбек, внук Тамерлана и многолетний правитель Самарканда, собрал богатейшую библиотеку, построил уникальную астрономическую обсерваторию и лично руководил составлением самых точных для своего времени звездных таблиц, вникая во все детали. Однако, приобретя безусловный авторитет в мире ученых, Улугбек оказался негодным правителем с точки зрения своих современников – родичей, придворных, влиятельных мусульманских шейхов и дервишей. Его

---

¹ Данный концепт мы берем из работ известного отечественного философа Ю.И. Семенова. Термин «политарный» Ю.И. Семенов образовывает от греч. «полития» – государство. У данного уважаемого автора мы находим также достаточно детальную терминологию, опирающуюся на исходную категорию: *политаризм* – весь данный общественный порядок в целом, *политаристы* – представители класса эксплуататоров, *политократия* – весь этот класс в целом, *политарх* – абсолютный правитель, глава класса политаристов, *политархия* – социоисторический организм, возглавляемый политархом, *субполитархи* – правители округов, провинций и т. д. [Семенов, 2011, с. 52–58]. В дальнейшем мы используем некоторые из этих терминов. Достаточно типичные примеры политарных социумов – Древние Египет и Месопотамия, древний и средневековый Китай, средневековые мусульманские государства Ближнего и Среднего Востока.

настойчивое нежелание участвовать в государственных делах (как внутренних, так и внешнеполитических) сыграло для него роковую роль: правитель Самарканда на склоне лет был все-таки вынужден ввязаться в династические распри между отпрысками своего славного деда и потерял сначала трон, а вскоре и жизнь [Бартольд, 1964].

Очевидно, что всякое общество (и общество политарное здесь отнюдь не исключение) постоянно сталкивается перед этой проблемой – поиска и сохранения разумного баланса между решением задач текущих и перспективных, значимых лишь сегодня и тех, что возникнут (и неизбежно возникнут!) завтра и послезавтра. И, по сути, выбор между фундаментальной и прикладной наукой – это современный вариант проблемы, стоявшей перед людьми не одно тысячелетие и уж, во всяком случае, всегда, пока на земле существовали Государство и Цивилизация.

Для того чтобы яснее и конкретнее представить себе ее специфику в условиях политаризма, будет целесообразно выделить пару антитетичных аксиологических концептов, которые играют определяющую роль в формировании мировоззрения субъектов обозначенных нами дискурсов. Компаративный анализ этих концептов позволит глубже осмыслить существо ценностного противостояния между Ученым и Кесарем-Политархом, разобраться в причинах и существе разворачивающегося между ними конфликта. За столкновением диаметрально противоположных понятий здесь обнаруживается коллизия альтернативных социальных идеалов – тех, что поставлены на службу наличному бытию, со всеми его «здесь и сейчас», и тех, что предполагают ущербность, надломленность, тленность этого бытия и воспринимают его с точки зрения более или менее отдаленной дистанции – исторической либо метафизической. «Утилитаризм – бескорыстие», – именно эта антитеза, вынесенная нами в заголовок статьи, и послужит в дальнейшем инструментом социокультурного анализа¹.

Как правило, человек, которому с большой вероятностью придется взвалить на свои плечи бремя ответственности за судьбу государства, получает неплохое общее образование. С будущим политархом работают лучшие учителя, чтобы в свое время он приступил к своим обязанностям, обогащенный максимумом знаний из числа тех, которыми располагает на данный момент общество. Список дисциплин, которым обучают наследных принцев, варьируется от страны к стране и от эпохи к эпохе, но остается достаточно длинным. Однако в этом перечне наукам о Природе, об Универсуме редко отводится ведающее место.

Например, «Артхашастра» Каутильи, адресованная не только потенциальным, но и действующим правителям, называет «науку о звездах» в ряду вспомогательных дисциплин наряду с грамматикой и ритуалистикой, но главное место отводит все-таки изучению священных книг – Вед [Канаева, 2014, с. 121]. В «Махабхарате» и «Рамаяне» говорится, что эпические цари были сведущи, помимо Вед, во всех науках, включая не только политику как управление людьми (это понятно), но и управление слонами и колесницами, конкур (т.е. управление лошадьми), плавание, письмо и счет (последние, очевидно, стоят на одном уровне с предыдущими дисциплинами) и многое другое [Mookerji, 1989, p. 340]. Но «науки о звездах» в этом списке уже не оказывается. Правда, она есть в «Лалитавистаре», где принц Сиддхартха (будущий Будда) владеет, помимо артхавидьи (науки об эффективном управлении) множеством других «искусств» – арифметическим, этимологическим, сочинительским, повествовательным, юмористическим и пр. [Канаева, 2014, с. 122], но очевидно, что место точных знаний о физической реальности здесь далеко не на переднем плане. В другом классическом буддийском тексте, «Вопросах Милинды», среди наук, в которых сведущ царь, также оказываются и политика, и астрономия, но, поскольку всего этих наук 19, а в их число попадают еще и колдовство, стихосложение и счет на пальцах

¹ В настоящей статье мы развиваем тематику своих предыдущих работ [Васечко, 2018a], [Васечко, 2018b].

[Вопросы Милинды, 1989, с. 66], постольку очевидно, что речь здесь скорее может идти лишь о весьма поверхностных знаниях типа «понемногу обо всем».

Ситуация для наследного принца радикально изменяется после того, как он, наконец, персонально помазывается на царство и обнаруживает, что для той главнейшей социальной роли, которую ему предстоит играть, нужны довольно специфические знания. Он быстро понимает (если ему никто не объяснил этого раньше), что первая его задача – сохранить, как минимум, эту свою роль, то есть сохранить власть, а основное средство ее решения – это усиление, укрепление, упрочение, расширение, наращивание все той же власти. Этой цели, превращающейся в самоцель, подчиняется вся деятельность и все сознание властителя, и потому все и вся он расценивает под углом зрения того, насколько данная вещь (будь то территория, физический предмет, какое-либо изделие, книга, группа людей или просто отдельный человек) служит этой высокой цели. Данная установка – утилитарно-прагматическая, субъективно-релятивистская, функционалистская – пронизывает все мышление политарха и закономерно экстраполируется на идеальную сферу: ценится только то знание, которое полезно для сохранения и усиления уже имеющейся у имярека власти, а то знание, которое явно не способствует решению этой сверхзадачи, воспринимается либо равнодушно, либо, паче того, с неодобрением и подозрением.

Мало кто из деспотов формулирует свое кредо так простодушно, открыто и цинично, как советник «совершенномудрого» правителя области Шан, убежденный, что «если знания поощряются и не пресекаются, они увеличатся», и тогда «невозможно будет управлять страной», ибо неизбежно появятся коварство и паразиты [Шан Ян, 2018, с. 167], к числу которых у автора книги отнесены все, кто не занят аграрным трудом либо военной службой. Как правило, политарх и его министры действуют более тонко и, по возможности, маскируют свое властолюбие. Тем не менее, трудно сомневаться в том, что главным мотивом, который побуждает правителя идти на некоторые издержки, поощряя и финансируя науки и искусства, – это желание упрочить как вверенное ему государство, так и собственную личную власть (первое от второго в сознании повелителя никак не отделяется). Зато, как только политарх решит, что данный интеллеktуал вместе со своими знаниями для него бесполезен или, хуже того, может стать в более или менее отдаленном будущем вредным и опасным, участи этого мудреца завидовать не приходится.

Последователь Шан Яна, живший веком позже, Хань Фэй, как бы давая установку для всякого «совершенномудрого», с одобрением рассказывает в XXXIV главе своего трактата о случае в царстве Ци, правитель которого приказал казнить двух ученых братьев-отшельников, приведя для этого вполне достаточные (в глазах политарха и его челяди, естественно) основания: 1) их нельзя использовать; 2) на них невозможно подействовать наградами и наказаниями; 3) они не верны ему, так как не хотят служить [Рубин, 1999, с. 90]. Таким же образом действует спустя еще полтысячелетия известный деспот эпохи Троецарствия Цао Цао: прославленного на всю Поднебесную врача Хуа То он распоряжается казнить за отказ остаться на службе именно у него (Цао Цао потом, правда, сожалеет о содеянном, когда выясняется, что некому помочь его собственному умирающему сыну) [Юан, Ван, 1963, с. 201]. А монгольский ильхан Хулагу, после успешного похода на Багдад отдает в 1262 году приказ казнить своего бывшего придворного звездочета ас-Салара, ибо подозревает, будто последний умышленно предсказал несколькими годами ранее неудачу этого похода, чтобы отговорить от него своего властелина [Рашид ад-Дин, 1946, с. 39, 59].

Весьма выразительно проявляет себя эта близорукая заикленность властей держащих на получении благоприятного практически-осязаемого результата в тех случаях, когда имеет место резкая смена государственной политики в отношении той или иной дисциплины. На протяжении многих веков астрономы, находясь при дворах правителей, имели большие возможности для совершенствования наблюдательной и вычислительной техники, и их наука под покровительством царей, убежденных в реальности прямой субординации между небесными и земными явлениями, сравнительно успешно развивалась. Но в тех случаях, когда самодержавные спонсоры по каким-либо причинам разочаровыва-

лись в практической ценности астропрогнозов, их милость быстро сменялась гневом и ученые легко могли лишиться не только режима наибольшего благоприятствования, но и права на частные, не претендующие на государственные субсидии, исследования. Так, император Юстиниан, став ревностным христианином, возненавидел все, что ассоциировалось в его сознании с языческой культурой, и обрушил репрессии в том числе и на ученых, закрыв в 529 году просуществовавшую девять веков Афинскую академию и издав закон «Относительно математиков, звездочётов, предсказателей, и подобных им злодеев» [The Lost Greek..., 2016].

Уровень интеллектуальной подготовки политарной элиты (вплоть до самого первого ее лица) оказывается порой настолько низким, что она не может оценить даже утилитарную ценность тех знаний и того инструментария, которые оказались в ее распоряжении, и поэтому готова без особого сожаления расстаться с ними. Показательна здесь судьба торкветума – уникального астрономического прибора, попавшего в XIII веке в Китай от арабов и предназначенного для измерений в различных системах небесных координат. Он был адаптирован для местных условий Го Шоу-цзином – руководителем Пекинской обсерватории при монгольской династии Юань. После ее падения власти решили перевезти этот прибор в новую столицу – Нанкин (где он, кстати, находится и сейчас). Но, поскольку он мог применяться только на определенной широте, перемещение на 3,75° к югу сделало его практически бесполезным [Еремеев, 2009, с. 127]. Очевидно, у правителей новой династии Мин не оказалось нужных специалистов, которые смогли бы переделать диковинный инструмент в соответствии с его изменившимся местоположением, либо же у этих правителей просто изменились вкусы и предпочтения.

В стремлении изыскать средства для решения научных проблем ученому часто приходится идти на компромиссы, воздействуя на своих могущественных, но зачастую малограмотных правителей с помощью различных хитростей. Например, другой приближенный ильхана Хулагу, Насирэддин Туси, оказался более ловким царедворцем, чем его коллега ас-Салар: с помощью весьма эффектного трюка он сумел убедить своего патрона выделить огромные средства на строительство обсерватории и привлечение к работе в ней лучших научных кадров [Максудов, Мамедбейли, 1981, с. 11]. Менее удачливым оказался Хайям, обсерватория которого в Исфахане оказалась лишенной государственной поддержки после убийства в 1092 г. курировавшего ее великого визиря Низам аль-Мулька и кончины спустя месяц симпатизировавшего ученым султана. Понятны поэтому многочисленные горькие сетования и язвительные реплики по адресу правителей, которыми пестрят хайямовские рубаи, и постоянные напоминания о том, что окончательный удел царей – тот же, что у простых смертных.

Антиподом утилитаризму с его жадным желанием извлечь пользу и прибыль быстро, полностью, из всего и с минимальными издержками выступает сознательная установка на спокойное, бескорыстное, не ангажированное сиюминутными эмпирическими интересами познание Истины. Напомним, что одним из императивов научного этоса Р. Мертон называет именно *бескорыстие* (disinterestedness) – норму, предписывающую ученому строить свою деятельность так, как будто кроме постижения истины у него нет других интересов и утверждающую, что для ученого недопустимо приспособлять свою профессиональную деятельность к целям личной выгоды [Merton, 1973, p. 267-278]. Имплицитно это означает, что ученый не должен также и собственную деятельность превращать в средство удовлетворения чужих личных выгод и, в частности, становиться орудием в руках той или иной венценосной персоны. Ибо научное бескорыстие – это совсем не то же, что бескорыстие холопа (пусть и высокопоставленного), верно и беззаветно служащего своему господину. И предоставление себя в полное распоряжение своего заказчика – это для ученого такая же измена науке, как потакание собственной корысти.

При внимательном рассмотрении мы сможем обнаружить данный эпистемологический ориентир в любой политарной культуре с более или менее развитой наукой. Так, клинописные тексты VII в. до н. э. свидетельствуют о напряженности в отношениях меж-

ду ассирийским царем Асархаддоном и придворным астрологом Баласи. Суеверный правитель явно хочет, чтобы произошло солнечное затмение (которое, очевидно, должно сыграть роль предзнаменования и подтвердить несвоевременность некоего сомнительного, по его мнению, мероприятия) и потому настаивает на все новых и более тщательных наблюдениях. Ученый же знает, что законы движения светил не подвластны желаниям царей и потому ему приходится идти наперекор Асархаддону – опираясь на точные данные своей науки, терпеливо доказывать тому, что в интересующий его промежуток времени затмения быть не может [Ван-дер-Варден, 1991, с. 98]. Евклид демонстрирует свой антиутилитаризм не только насмешливой подачкой в три обола юноше, захотевшему получить ощутимую пользу от доказательства первой же теоремы, но и честным ответом царю Птолемию, возжелавшему освоить его науку поскорее и, так сказать, без отрыва от основной профессии: «Нет царского пути к геометрии».

Китайские математики также четко ощущают разницу между решением конкретно-практических задач и настоящей теоретической работой: одно дело, например, выполнять поручения разных вельмож и начальников, вычисляя объемы дамб, крепостных стен, плотин, рвов и каналов, и совсем другое – суметь получить точные формулы объемов идеальных геометрических фигур. Понятно, что первое здесь вовсе не обязательно исключает второе. Так, Ян Хуй (XIII в.), один из крупнейших математиков эпохи Сун получил известность благодаря постановке и решению сложных абстрактных задач, а также возвращению в научный обиход забытых и практически непонятных его современникам древних математических текстов. Но увлеченность этими проблемами не мешала ему создавать популярные учебники для детей и начинающих типа «Методов счета ежедневного применения» и «Способа быстрого вычисления земельной площади» [Флуг, 1959; Еремеев, Кобзев, 2009]. Тем не менее, дилемма налицо: «...либо геометрическая модель возможно более близкая к физическому объекту, и пользование приближенной формулой для ее объема; либо точная формула для объема правильного геометрического тела, которая менее точно представляет сам объект. Понятно, что древних "инженеров" удовлетворяли приближенные формулы, а точные интересовали "чистых" математиков» [Березкина, 2010, с. 246].

Естественно, бескорыстие ученого, если оно последовательно и выражается в очевидном безразличии к так называемым мирским благам, может восприниматься окружающими, включая первых лиц в государстве, с большим подозрением и неприязнью. Известным оправданием для подобного поведения может, правда, служить аналогия с *отшельниками*, которые имеются в любой политарной культуре: их равнодушие к земным ценностям трактуется как служение ценностям высшего порядка, и потому не выглядит как вызов властям предрержащим и покушение на устои. Собственно, это тот случай, когда религия может послужить сравнительно надежным убежищем для ученого и оказаться неплохой союзницей для точных наук (в той степени, в какой ученый сумеет убедить религиозных авторитетов в том, что его занятия не представляют для них опасности и даже, возможно, могут быть в чем-то полезны). Однако в любом случае остается вероятность того, что при каком-либо неблагоприятном повороте конъюнктуры бескорыстное служение чистой науке может стать в глазах власти поводом не только для применения мер физического воздействия к отдельным ученым, но и для разгрома целых школ и научных направлений. Причем такие волюнтаристские действия вряд ли вызовут серьезные протесты со стороны элиты политарного общества и тем более со стороны социальных низов, часто готовых еще и принять посильное участие в подобного рода гонениях.

Итак, императив бескорыстия призван играть роль условия успешной эпистемологической деятельности. Способность исследователя абстрагироваться и теоретически, и практически от утилитарщины, то есть малопродуктивного для большой науки решения головоломок «на злобу дня», которые предлагает ему жизнь в лице его могущественных спонсоров-заказчиков, является немаловажным фактором эффективного научного поиска. Разумеется, ученый не должен пренебрегать счастливыми возможностями благорасположения к нему правителей и их близкого окружения, и он будет неправ, если не постарается в этих

случаях извлечь максимальную пользу для углубления и расширения своих знаний о мире. Однако в его сознании всегда должна сохраняться ясная иерархия ценностных приоритетов: там, где из него попытаются сделать не более чем дорогую игрушку для удовлетворения забав власть имущих, его нравственный долг – найти оптимальные средства для сохранения себя в качестве субъекта эпистемологического исследования. Бескорыстное служение Истине на аксиологической шкале ученого всегда выше угождения своим современникам, независимо от их социального ранга. И свои обязанности по отношению к человечеству как таковому он однозначно ставит выше обязательств по отношению к тем отдельным людям, с которыми ему довелось сосуществовать в одном пространстве и времени.

Список источников

1. Бартольд В.В. 1964. Улугбек и его время. В кн.: Бартольд В.В. Собрание сочинений. Т. II. Вып. 2. М., Наука: 23–196.
1. Бердяев Н.А. 1995. Царство Духа и царство Кесаря. В кн.: Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., Республика: 287–356
2. Вопросы Милинды (Милинда паньха). 1989. Пер. с пали А.В. Парибка. М., Наука, Главная редакция восточной литературы. 485 с.
3. Еремеев В.Е. 2009. Астрономия. В кн.: Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т.5. М., Вост. лит.: 102–139.
4. Еремеев В.Е., Кобзев А.И. 2009. Ян Хуй, Ян Цянь–гуан (ок. 1238 – ок. 1298). В кн.: Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т.5. М., Вост. лит.: 971–972.
5. Рашид ад-Дин. 1946. Сборник летописей. Т. III. Перевод с персидского А.К. Арндса. Под редакцией А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса, А.Я. Якубовского. М.–Л. Изд-во АН СССР, 340 с.
6. Фигуровский Н.А. 1955. Химия в древнем Китае и ее влияние на развитие химических знаний в других странах. В кн.: Из истории науки и техники Китая. Под ред. И.В. Кузнецова (гл. ред.) и др. М., Изд-во АН СССР: 110–129.
7. Флуг К.К. 1959. История китайской книги Сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., Изд-во АН СССР, 400 с.
8. Шан Ян. 2018. Книга правителя области Шан. М., РИПОЛ классик, 424 с.
9. The Lost Greek Arts of Isopsephia, Gematria, and the Sacred Geometry Story. 2016. URL: <http://www.jesus8880.com/chapters/gematria/intro.htm> (дата обращения: 1 сентября 2016).

Список литературы

1. Березкина Э.И. 2010. Математика Древнего Китая. М., КРАСАНД, 312 с.
2. Ван-дер-Варден Б.Л. 1991. Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии. Пер. с англ. Г.Е. Куртика, М., Наука, 416 с.
3. Васечко В.Ю. 2018а. «Онтика» и «онтология»: естественнонаучный дискурс против иерократического прессинга в политарном обществе. *Virtus*, 26: 17–20.
4. Васечко В.Ю. 2018b. «Ученый профан» versus сановный иерократ: к проблеме возможности суверенного эпистемологического дискурса в политарном обществе. *Дискурс-Пи*, 3–4 (32–33): 105–115.
5. Канаева Н.А. 2014. Систематизация традиционного знания в индийской культуре – Вопросы философии, 1: 115–126.
6. Максудов Ф.Г., Мамедбейли Г.Д. 1981. Мухаммед Насирэддин Туси. К 780-летию со дня рождения. Баку, Гянджлик, 104 с.
7. Рожанская М.М. 2009. Несколько эпизодов из истории науки. Вопросы истории естествознания и техники, 2: 181–204.
8. Рубин В.А. 1999. Отшельничество в оценке ранних конфуцианцев и легистов. В кн.: Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. М., Восточная литература: 88–92.
9. Семенов Ю.И. 2011. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., УРСС, 376 с.
10. Старр С.Ф. 2017. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М., Альпина Паблишер, 574 с.

11. Юар П., Ван М. 1963. К изучению древней китайской медицины. В кн.: Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. III. Под ред. А.Т. Григорьяна и А.П. Юшкевича. М., Изд-во вост. лит.: 171–217.
12. Merton R.K. 1973. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, Chicago University Press, 606 p.
13. Mookerji R.K. 1989. *Ancient Indian Education: Brahmanical and Buddhist*. Dehli, Motilal Banarsidass Publ., 655 p.

References

1. Berezkina E.I. 2010. *Matematika Drevnego Kitaya [Mathematics in Ancient China]*. Moscow, Publ. KRASAND, 312 p.
2. Van-der-Varden B.L. 1991. *Probuzhdayushchayasya nauka. II. Rozhdenie astronomii [Science Awakening. II. Birth of Astronomy]*. Translated from English by G.E. Kurtika. Moscow, Publ. Nauka, 416 p.
3. Vasechko V.Yu. 2018a. «Ontika» i «ontologiya»: estestvennonauchnyj diskurs protiv ierokraticeskogo pressinga v politarnom obshchestve [«Ontics» and «Ontology»: Scientific Discourse against Hierocratic Pressure in Politary Society]. *Virtus*, 26: 17–20.
4. Vasechko V.Yu. 2018b. «Uchenyj profan» versus sanovnyj ierokrat: k probleme vozmozhnosti suverenogo epistemologicheskogo diskursa v politarnom obshchestve [«The Scientist Layman» versus the Stately Hierocrat: the Problem of Possible Sovereign Epistemological Discourse in Politary Society]. *Diskurs-Pi*, 3–4 (32–33): 105–115.
5. Kanaeva N.A. 2014. *Sistematizaciya tradicionnogo znaniya v indijskoj kul'ture [Systematization of Traditional Knowledge in Indian Culture]*. *Problems of Philosophy*, 1: 115–126.
6. Maksudov F.G., Mamedbeili G.D. 1981. *Mukhammed Nasireddin Tusi [Muhammad Nasir al-Din al-Tusi. To the 780th anniversary of his birth]*. Baku, Gyandzhlik Publ., 104 p.
7. Rozhanskaya M.M. 2009. *Neskol'ko epizodov iz istorii nauki [Several Episodes from the History of Science]*. *Studies in the History of Science and Technology*, 2: 181–204.
8. Rubin V.A. 1999. *Otshel'nichestvo v otsenke rannikh konfutsiantsev i legistov [Reclusion in Early Confucians and Legalists' Estimation]*. In: Rubin V.A. *Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae [Personality and Power in Ancient China]*. Moscow, Vostochnaya literature Publ.: 88–92.
9. Semenov Yu.I. 2011. *Politarnyi («aziatskii») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii [Politary ("Asian") Method of Manufacturing: Essence and Place in the History of Humanity and Russia]*. Moscow, URSS Publ., 376 p.
10. Starr S.F. 2017. *Utrachennoe Prosveshchenie: Zolotoi vek Tsentral'noi Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana [Lost Enlightenment: Central Asia's golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane]*. Moscow, Al'pina Publisher, 574 p. (in Russian).
11. Yuar P., Ван М. 1963. К изучению древней китайской медицины [To the Study of Ancient Chinese Medicine]. In: *Iz istorii nauki i tekhniki v stranakh Vostoka: Sb. statei. Vyp. III. [From the History of Science and Technology in East Countries. Issue III. Ed. by A.T. Grigor'yan and A.P. Yushkevich]*. Moscow, Vost. Lit. Publ.: 171–217.
12. Merton R.K. 1973. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, Chicago University Press, 606 p.
13. Mookerji R.K. 1989. *Ancient Indian Education: Brahmanical and Buddhist*. Dehli, Motilal Banarsidass Publ., 655 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васечко Вячеслав Юрьевич, доктор философских наук, Ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Y. Vasechko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia